

Демидург поневоле

Обычно, с полугосударственными, насквозь секретными конторами я дел не имею. Муторно, хлопотно и бумаг приходится оформлять столько, что впору только под них отдельный грузовик заказывать. Но старый знакомый помог выиграть тендер на весьма лакомый контракт, проект сети показался несложным, а что касается секретности - не так уж все и страшно оказалось, если учесть, что сеть требовалось проложить в абсолютно новом здании, где еще ничего особо секретного не успело завестись.

Именно так меня и занесло жарким летом 2013 года на неприметную проходную, откуда меня вскоре забрали и буквально под руку отвели к новенькому зданию, где моей скромной компании предстояло развертывать сеть. Работа предстояла не столько сложная, сколько ответственная, поэтому я не поленился лично изучить каждый закоулок предстоящего фронта работ. Мой провожатый, представившийся Виталием, извинился и оставил меня одного, пообещав забрать через какое-то время. Где-то там, в глубинах территории института ядерных исследований, расположилась скромная лаборатория по изучению физики времени. Именно для нее выстроили это новое здание. Но ученым ботаником не терпелось получить по нобелевке на каждого, поэтому эксперименты, как сказал Виталий по секрету, иногда не прекращались целыми сутками.

- Тестим новую установку, - невнятно сообщил Виталий, мыслями явно пребывая где-то далеко от проблем прокладки локальной сети. - Сегодня дадим только двадцать процентов мощности, но даже и так может выясниться кое-что интересное.

Минут двадцать я бродил по гулким темным коридорам и заглядывал в просторные пустые кабинеты. Здание как здание, типовая планировка, огромные окна, тонкие стены. Прокладывать сеть в таких условиях - не работа, а почти отдых. Все было не просто хорошо, а замечательно, особенно если учесть интересную сумму, что скоро начнет осваивать банковский счет моей фирмочки.

Ждать предстояло еще долго, и я, немного поколебавшись, сел прямо на пол, положив ноутбук на колени. Закурил. Сквозь приоткрытое окно приятно поддувало. Раз особо делать пока было нечего, решил освежить память по стандартам и хитростям прокладки сетей, которые скоро будет совсем нелишним соблюсти до мельчайших подробностей. Благо, несколько десятков книг и пяток тематических сайтов, целиком высосанные из интернета, давно обживали винт моего ноута. Для начала, не особо задумываясь, открыл «Nag.ru», глубоко затянулся.

В комнате резко потемнело - видимо, солнце прикрылось серьезной тучей. Я машинально уменьшил яркость экрана, несмотря на запасную батарею в сумке, привычка экономить заряд давно стала частью инстинктов, без которых так трудно выживать в современных каменных джунглях.

Потом еще несколько секунд продолжал сидеть в отрешенной прострации, перематывая бело-синие страницы сайта. И только тогда ощутил первый укол страха. Вокруг явно что-то было не так. Еще не осознав причин беспокойства, я уже нутром чувствовал, что где-то недалеко объявились проблемы, которые вот-вот отыщут меня и обрушатся на мою задницу.

На улице явно кричали люди. Особенно неприятным ощущался тот факт, что крики приближались и нарастали. Первое, что пришло в голову - сигаретный дым. Неужели кто-то подумал, что здесь случился пожар? Я быстро забычковал сигарету и ловко бросил ее в угол, начиная одновременно подниматься на ноги. Да так и замер в скрюченной позе, «зависнув» прямо посреди движения.

Окурочек застыл в воздухе в паре метров от меня, словно подвешенный на ниточке. Справа и слева от него угадывался радужный блеск, похожий на разводы бензина в дождевой луже. И от этих разноцветных переливов веяло опасностью, словно меня внезапно занесло в темноту трансформаторной будки, где любое движение может закончиться произвольным акробатическим этюдом.

Мгновенно пропотев, я все-таки разогнулся, едва удерживая ноутбук слабеющими руками. Как раз в этот момент окурочек медленно притянуло к радужной пленке и начало протаскивать сквозь нее. Серия искрящихся вспышек и по ту сторону тончайшей, как теперь было видно, преграды, начало медленно рассеиваться облачко темного дыма - все, что осталось от моего окурка. Я судорожно осмотрелся по сторонам.

Комната оказалась перегорожена тонкой полупрозрачной переливающейся чистейшими цветами спектра, пленкой, словно я оказался внутри гигантского мыльного пузыря. По ту стороны вроде бы несерьезной преграды все было как и раньше. На моей половине царили настоящие сумерки - видимо пленочная стенка пропускала далеко не весь свет.

По-настоящему испугаться я не успел, хотя изрядно струхнул, понимая, что происходит что-то из ряда вон выходящее. Да и один я оставался недолго: вскоре послышался топот множества бегущих по коридору людей, в дверном проеме появился человек в синем халате, увидел меня и заорал во все горло:

- Здесь! Он здесь!

Вскоре по другую сторону барьера собралась десятка полтора людей. Они переговаривались между собой и фотографировали меня. Они не отвечали на мои вопросы и вообще вели себя, как зрители в зоопарке. По счастью, вскоре прибежал Виталий, наорал на всех и вытолкнул всю эту банду в коридор.

- Главное, не пытайтесь пройти сквозь стенку, - сразу же предупредил он меня, отвешивая пинка какому-то слишком медленному лаборанту.

- Да понял уже, - мрачно сказал я, опускаясь на пол и вытаскивая сигареты. По всей видимости, внезапно возникшие проблемы имели тенденцию к затягиванию. - Что случилось?

- Нештатная ситуация, - с нотками паники в голосе, сказал Виталик. - Рабочая зона возникла сразу в двух местах. Если бы я вас сюда не притащил, ничего особенного и не случилось бы. Но теперь... Мужик, держись. Скоро ты окажешься в прошлом.

- Что?! Виталий, ты что такое говоришь?

- Ты главное не волнуйся, слушай меня, психовать бесполезно, но все еще можно удержать под контролем! - затараторил весь красный от смущения Виталий.

Я сразу ему поверил. И, как это ни странно, практически мгновенно проникся пониманием, что никакая моя истерика ничего путного мне не принесет. Поэтому следующие десять минут, пока на моей половине продолжало темнеть, а в дверном проеме то и дело сверкали вспышки фотоаппаратов, я мрачно курил, глядя в одну точку и слушал наставления Виталия.

Смысл сказанного сводился к простым, в общем-то, вещам. Покинуть зону переноса во времени было невозможно. Это я и сам обнаружил с помощью окурка. Выключить установку Виталий не мог. Обесточить то, он ее обесточил практически сразу, но процесс уже был автономным и в подпитке энергией не нуждался. В каком времени я окажусь после переноса, Виталий не знал. Что произойдет после того, как меня утащит в прошлое - он тоже не знал, но твердо обещал, что через двое примерно суток, какой-то физический колебательный процесс с непроизносимым названием, вернет меня обратно.

Самое неприятное заключалось в том, что этот мир расставался со мной навсегда, поскольку в точке прибытия создается развилка с новой копией мира, который отныне развивается параллельно основной линии.

Если в прошлом я смирно просижу двое суток, ничего не делая, у меня есть шанс вернуться в точную копию этого мира. Где меня радостно встретит точная копия Виталия. В покидаемом мире, я просто стану одним из тех, кто ушел утром по делам, и больше его никто не видел.

Если же в прошлом я буду вести себя неправильно и оставляю значимые следы, не исключено, что новое будущее будет отличаться от привычного для меня окружения.

- Но ты не переживай, - быстро говорил Виталий, уже совсем плохо различимый сквозь мутнеющую стенку. - Не такая уж ты величина, чтобы произвести серьезные изменения. Бабочка Брэдбери - ерунда. Вселенная слишком инертна, чтобы какой-то человек мог в ней что-либо изменить!

Внутри было холодно и пусто. Осознание всего ужаса происходящего было пока еще впереди. Я физически ощущал, как где-то внутри копится паника, чтобы превратиться в хорошую такую истерику. И как она выплеснет наружу, будет зависеть от того, что меня ждет там, в прошлом.

Как я в таком состоянии буду двое суток «ничего не делать, чтобы минимизировать последствия»? А если меня занесет во времена Ивана Грозного, когда с диковинным человеком никто церемониться не станет? А если к монголам или древнеславянским племенам?

- А очень просто, - сам себе объяснил я вслух. - Сядешь и будешь молчать. И чтобы там не произошло - не скажешь ни слова. Не сделаешь и вдоха лишнего. Если там кто-то будет воздействовать - ему придется долго разбираться, что это к нему прилетело. Времени ему потребуется много. А мне надо просто потянуть двое суток. Нервы - в кулак. Рот - на замок. И все будет хорошо. А если к динозаврам занесет - залезу на дерево и буду два дня фильмы смотреть. Фильмов хватит.

Вот за этими самоговорами я и не заметил, как совершил главное путешествие своей жизни. Вокруг окончательно стемнело и я чувствовал себя пацаном, спрятавшимся в чулане незадолго перед тем, как дверь будет открыта, а обнаруженный - предъявлен участникам игры.

- Главное спокойствие, - в сотый, наверное, раз твердо сказал я вслух.

- Кто здесь? - раздалось из темноты.

Я вздрогнул и сжался в комок. На лбу мгновенно выступила испарина.

- Это что, у меня уже слуховые галлюцинации? - мужской хриплый голос неожиданно подействовал на меня успокаивающе. Кто бы ни был говоривший, изъяснялся он по-русски и знал вполне современное слово «галлюцинации».

- Да нет, слышу ведь, - продолжал сам с собой говорить мужчина. - Дышит. Дышишь ведь? А?

В крошечной темноте не было видно ни зги. Судя по голосу, мужчина был средних лет. И явно спал, перед тем, как я его нечаянно разбудил. А еще мне показалось, что хозяин голоса болен - слышался в интонациях едва заметный надрыв смертельно уставшего человека.

- Вы не бойтесь, я здесь ненадолго, - быстро сказал я, не успев даже толком сообразить, что я такое несу. - Просто эксперимент пошел не так, но уже через двое суток меня тут не будет!

- А я и не боюсь, - в легком замешательстве растягивая слова, с едва заметным смешком сказал мужчина. - Меня, знаешь ли, уже трудно чем-либо напугать. Правда, со здоровьем вот беда. Здесь любой физкультурник загнется наперед, прежде, чем выморкается. Видишь, до чего уже дошел - появление соседа по камере проспал.

- По камере?! - поразился я, стараясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь абсолютный мрак.

- Странный ты какой-то, - сказал мужчина. - Огонь-курево есть?

- Да-да, сейчас, - меня буквально всего лихорадило, пот крупными каплями катился по лицу, и я с трудом сумел наощупь вытащить зажигалку и сигареты.

С металлическим лязгом открылась крышечка, сухо затрещал кремений, брызнули искры и почти сразу же ярко вспыхнул, пропитанный парами бензина, фитиль.

- Ух ты, - уважительно сказал незнакомец. - Американская поди? И как до сих пор не отняли?

Глаза, давно привыкшие в темноте, заломило от яркого света зажигалки. Я судорожно проморгался, одновременно вытягивая из пачки две сигареты. На границе света и темноты появилось худое, заросшее густой щетиной, мужское лицо. Резкие тени делали его похожим на ожившего мертвеца, хотя, судя по худобе, и в свете яркого дня впечатление могло запросто остаться тем же.

Мужчина жмурился, смаргивая слезы, но при этом внимательно смотрел прямо мне в глаза. От пронизывающей силы этого взгляда хотелось прикрыть лицо рукой, но я не посмел. И лишь робко протянул незнакомцу сигарету.

Он с удивлением уставился на нее, потом ловко отломил фильтр и практически сразу же потянулся к огню.

Несколько минут мы курили в полной темноте. Я жадно затягиваясь, чтобы хоть немного успокоиться и привести себя в чувство. Он - казалось с абсолютным наслаждением, смакуя каждую затяжку.

- Будем знакомы, - наконец сказал он голосом, полным умиротворения. - Андрей.

- Петр, - едва не стуча зубами, от накатившего вновь ужаса, проскрипел я.

- Странный ты какой-то, Петр, - медленно, даже, как мне показалось, лениво, сказал Андрей. - Одет не по-нашему. Говоришь как-то... странно. Зажигалка у тебя американская и сигареты бабские. Шпион что-ли?

Меня словно ледяной водой окатило.

- Нет, я же говорю вам: эксперимент, понимаете? Я - из будущего. Там создали машину времени и меня перенесло сюда!

- Ты какой-то дурацкий шпион, - констатировал Андрей. - Положим, я читал Уэллса. Между прочим, в оригинале. Возможно, следователи об этом знают и подсадили тебя ко мне. Вопрос - зачем? Еще вопрос - что за бред, считать, что я на это куплюсь? И ответа на эти вопросы у меня нет. А раз ответа нет...

Голос его звучал холодно, и даже враждебно. В темноте зловеще звякнул металл.

- Постойте, я вам докажу! - выпалил я, спохватываясь и нащупывая рукой, лежащий на полу ноутбук.

Когда в темноте открылся ярко-синий прямоугольник экрана, Андрей слабо вскрикнул и шагнул назад. А потом, когда мы уселись на узкие нары, несмотря на мою сумбурную речь и яростную жестикуляцию, непроницаемо молчал, лишь иногда жестом требуя очередную сигарету. Теперь, в

свете ноутбучного экрана, я смог разглядеть его получше. И разглядывал все время, пока быстро объяснял кто я такой, откуда взялся и почему мне ни в коем случае нельзя все это ему рассказывать.

Несмотря на худобу и грязную поношенную одежду, выглядел Андрей странно уверенным в себе, словно ТОП-менеджер большой компании накануне подписания очень нужного многомиллионного контракта. Мне трудно было иначе описать эту хорошо ощущаемую цельность, когда человек точно знает, зачем он живет на белом свете.

Смотрел и слушал Андрей очень внимательно, переводя взгляд с экрана ноутбука на меня и обратно. А когда я в качестве очередного доказательства протянул ему свой смартфон, осторожно взял его, словно сапер старую мину, и почти сразу вернул обратно.

«Поверил», - мысленно расслабился я.

- Ну и дела, - совершенно другим голосом сказал он после того, как я окончательно «выдохся», и принялся жадными затяжками «высасывать» очередную сигарету. - Если бы не этот вот слайдоскоп-телевизор - никогда бы не поверил. И до сих пор не верю. Хотя понимаю, что нет ни у кого в мире сейчас таких вещей. Жаль, что ты не можешь рассказать все про свое время. Очень хочется узнать, как советские люди в будущем зажили.

- Не могу. Извините, - твердо сказал я.

- Слышь, Петро, ты хорош мне «выкать». Давай на «ты».

- Какой сейчас год? - решил, наконец, и я определиться со своими делами.

- Пятьдесят первый, - медленно сказал Андрей. - А это тюрьма. Ловко тебя занесло. Прямо сразу куда надо. Сегодня надзиратель тебя обнаружит и обалдеет. А в понедельник, то есть послезавтра, тобой займутся уже следователи.

- Значит, - сказал я, внезапно окрыленный новой надеждой, - если надзиратель меня не обнаружит, я смогу спокойно досидеть здесь до понедельника? Предлагаю сделку. Ты мне помогаешь спрятаться - я тебе рассказываю о будущем все, что захочешь.

Рассчет мой был прост. Что бы я не рассказал Андрею и что бы не показал - ему никто не поверит. А значит - и влияние на будущее будет минимальным. А вот если меня начнут допрашивать следки - что тут у них? СМЕРШ? НКВД? - и заберут для изучения мои гаджеты, вот тут-то все и станет очень плохо. И вернувшись обратно, я могу обнаружить, что изменилось слишком многое. А мне в том будущем еще предстояло жить.

- Спрятаться? - удивился он. - В этой коробке? Хотя есть идея. Если я лягу, а ты залезешь под нары - может и не заметит ничего надзиратель. Ему же и в голову прийти не может, что здесь кто-то еще может появиться.

- Давай попробуем, - твердо сказал я.

- Договорились, - он неожиданно протянул руку, словно предлагая скрепить договор рукопожатием. И стоило нам разнять руки, сразу же спросил: - Ну, а теперь говори: построили?

- Что построили? - опешил я.

- Коммунизм, конечно, что же еще? Социализм у нас, считай, построен. Еще десяток лет и будем жить просто отлично. Это понятно. А коммунизм как? Наверняка построили! Ты из какого года?

- Из две тысячи тринадцатого, - нехотя ответил я, одновременно демонстрируя ему дату на экране «смарта».

- Во, дела! - восхитился он.

Вся его мрачная решимость и видимая уверенность разом куда-то подевались. Передо мной сидел молодой, в общем-то, человек, с еще не выветрившимся мальчишеским энтузиазмом.

- С коммунизмом пока напряг вышел, Андрей, - сказал я ему, лихорадочно соображая, что рассказывать, наверное, стоит далеко не все.

Но даже урезанная версия будущего произвела на него самое угнетающее впечатление. Напрасно я объяснял ему про огромные супермаркеты, заполненные бесчисленными товарами в ярких обертках, и показывал, как круто иметь ноут и смарт, чего при социализме никто и слыхом не слыхивал - он, словно, не слышал меня. Лишь смотрел неподвижно в одну точку и слезы катились по его щекам.

- Значит все зря? - с надрывом сказал он вдруг, переводя на меня страшный взгляд, полный ненависти, словно это я был виноват в крушении страны через сорок лет. - Мы, значит, в холоде и

голоде работали, под танки и на пулеметы шли не задумываясь, а вы нас предали?

- Трудовому народу стало только лучше при рыночной экономике! - повысил голос и я, забыв, что меня могут услышать за пределами камеры. - Появились возможности! Каждый может себе заработать какое угодно богатство! Главное - не лениться!

- Как же вас идиотов там одурманили, - внезапно снижая накал ненависти, горько сказал Андрей. - Геббельс-то, оказывается, поживее прочих оказался.

- Да это вас тут дурманят, - попытался я втолковать ему, понимая, впрочем, что устроить подобие форумного диспута «дерьмократы» vs «совкодрочеры» вряд ли получится.

И действительно: он только усмехнулся и покачал головой:

- Ладно, Петро, извини. Понимаю, что ты не при чем, но слишком больно услышать такое оказалось. Лучше покажи мне что-нибудь в своем слайдоскопе, чтоб дух захватило. Про вашу жизнь. Что делаете. Как любите друг друга. Как детей растите.

«Ага», - думал я мрачно, открывая папку с фантастикой. - «Я те покажу «как», а ты меня за горло возьмешь. Давай-ка лучше по стране фантазий пройдемся».

Пока Андрей зачарованно следил за гоняющими в черноте космоса звездолетами, я и сам не заметил, как задремал, прислонившись к холодной шершавой стене. Проснулся же от того, что меня толкают в бок и яростно шипят что-то на ухо. Оказалось, Андрею принесли еду. Камера была скудно освещена слабой лампочкой под потолком.

За какие-то четверть минуты я собрал своим манатки и быстро забрался под нары. Где успешно пережил появление в камере надзирателя. Слязгало железо, тяжело простучали сапоги. Все стихло.

- Вылезай, поешь, - сказал Андрей, заглядывая в мое укрытие.

Я выбрался из-под тяжелых крашеных досок и огляделся. Маленькое помещение, по размерам меньше, чем моя кухня, показалось апофеозом безнадеги и отчаяния.

- За что сам сидишь? - спросил я, вглядываясь в лицо сокамерника.

Он криво улыбнулся, покачал головой и подвинул мне миску.

Внезапно я ощутил зверский голод и, не чинясь, взялся за ложку.

- С чего все началось? - спросил он внезапно.

- Что?

- Ты знаешь, «что», - сказал он жестко. - Сейчас далеко не все прекрасно, но мы идем твердой и понятной дорогой. Когда произошли первые изменения? Где мы повернули не туда? Ведь страна не бедствует. Еще трудно. Еще не все есть в нужном количестве. Но карточки отменили давным-давно. И цены каждый год только снижаются. В столичных магазинах и вовсе всего полно. Так что, напрасно ты меня своими супермаркетами удивить пытался. Опять же, артели и кооперативы тоже могут зарабатывать трудовую копейку почти неограниченно, как ты про свою фирму хвастал. Не НЭП, конечно, но кто хочет - зарабатывает ого-го. А уж если с образованием - и подавно. Так что случилось?

- Не знаю, я не специалист, - сказал я легкомысленно. - Но первый большой поворот уже близко. Еще два-три года и начнутся разоблачения и чистки.

Он слушал про смерть «вождя народов» и последующий съезд внимательно, не перебивая. Но постепенно, и без того худое лицо заострялось, желваки подозрительно двигались, а взгляд темнел. Я вдруг отчетливо понял, что у мужика явно проблемы с головой, и замолчал. Как бы не договориться внезапно до несчастного случая. Тем более что край ложки подозрительно поблескивал свежезаточенным металлом.

- Вот сука, - с яростью сказал Андрей, поднимаясь на ноги и сжимая кулаки. - А если я сейчас позову охрану и все расскажу следователям про лысого?

Я слабо улыбнулся, покачал головой и молча доел похлебку.

- Понимаю, - сказал он. - Ты все рассчитал - потому и рассказываешь без утайки. Кто в такое поверит? А если аппарат твой вот отберу прямо сейчас и передам кому следует?

- Андрей, не глупи, - сказал я ему сухо. - Этот аппарат через десять часов перестанет работать, а внутри у него крошечные керамические пластинки, которые и опознать никто не сможет. И вообще:

мы же вроде договорились? Или коммунисты не умеют слово держать?

Собственно, это я так пытался его подколоть. Но Андрей ответил тяжелым серьезным взглядом. Потом слабо покачал головой:

- Уговор есть уговор. Но когда есть шанс спасти страну от шага в пропасть...

- Какое тебе дело? - сказал я, стараясь направить его агрессию в другое русло. - Ты сам в тюрьме сидишь. Наверняка без особой вины. Что тебе до этих упырей наверху? Главное, чтобы лично для тебя ничего в худшую сторону не поменялось.

- Мозгляк ты, Петро, - с досадой сказал Андрей после длинной паузы. - Как есть, мозгляк. Микроорганизм какой-то. И ведь слышу по голосу - честно говоришь, от сердца прямо. Что же это за будущее мы себе воспитали?

- Нельзя ничего менять, - мягко сказал я ему. - Будущее уже случилось. Ты - прошлое.

- А для меня, я - не прошлое. И страна моя - не прошлое! - повысив голос, сказал он с вызовом.

И тут же попросил очередную сигарету. Как раз одна оставалась в пачке и мы выкурили ее на двоих.

- Расскажи о своей работе, - попросил он. - Что ты делаешь?

И я рассказал, стараясь поразить его воображение достижениями капиталистического «завтра». Рассказ про беспроводную связь, компьютеры, локальные сети и интернет произвел на него неизгладимое впечатление.

- Про связь я понимаю, - с восхищением сказал он. - Связь - основа всего. Это мы на войне ой как хорошо поняли.

А я продолжал рассказывать про электронную почту, службы мгновенных сообщений и сайты. Порталы, социальные сети и многопользовательские игры. А потом вдруг вспомнил о своем запасе книг и оффлайн-сайтов, выкачанных из интернета «про запас».

Восторгу Андрея не было предела, когда он понял, что может прикоснуться к будущему и сам. Чтобы читать статьи из далекого 2013 года, ему достаточно было лишь возить пальцем по маленькой площадке и нажимать две-три кнопки. Под моим руководством он быстро освоил нехитрые процедуры перехода со страницы на страницу.

- А знаешь, что? - сказал он мне, наконец. - Ложись-ка ты нормально спать. Тебе давно уже надо выспаться. На тебе просто лица нет. Я покараулю, и, если что, подниму тревогу. Можно только, я покуда потыкаю еще по сайтам?

- Можно, - я ощутил, как буквально слипаются глаза, и полез на нары.

Я не знаю сколько времени так прошло. Андрей как зачарованный листал страницы сайтов. В какой-то момент он растолкал меня и начал возбужденно расспрашивать, что такое лазер и оптоволокно. Я как мог объяснил, заявив напоследок, что несколько десятков даже совсем недорогих гигабитных магистралей могли бы решить все проблемы с мгновенной связью во всей стране, чем привел его в неописуемый восторг.

Постоянно пребывая в какой-то вялой полудреме, я в минуты просветления с ужасом думал о том, что здесь, в мрачной тюремной камере, запросто мог подхватить какую-нибудь доисторическую болезнь. Тиф, например.

Так продолжалось довольно долго и я уже потерял счет времени, но только вдруг, в какой-то момент, ощутил странную бодрящую тревогу.

- Так, Андрюха, кажется мой поезд пришел, - сказал я, быстро сгребая в охапку ноутбук и проверяя на месте ли разряженная батарея и смартфон.

- Счастливого пути, человек из будущего, - сказал он, улыбаясь открытой и радостной улыбкой. - Спасибо тебе за все.

В ответ я лишь успел поднять руку и в этот момент меня словно ударило грузовиком.

Возвращение в свое время оказалось куда жестче и болезненнее путешествия в прошлое.

Я открыл глаза и понял, что неизвестно сколько времени провалялся в отключке.

Над головой в бескрайнем синем небе величаво плыл сигароподобный дирижабль. Несколько минут я с изумлением и восторгом следил за величественной картиной неторопливого движения небесного

левиафана, потом начал вспоминать последние события и сразу забыл про летающего монстра над головой.

Где я? Что со мной? Неужели, все получилось и я - дома?

Попытка сесть закончилась тяжелой болью в голове. Я схватился руками за виски, но не стал обратно ложиться, а превозмогая болезненную пульсацию в затылке, осмотрелся по сторонам.

Ничего даже близко похожего на институт и новое здание, где моя фирма должна была тянуть сеть, не было. Вместо этого - огромная площадь, покрытая, по большей части, зеленой травой, и располосованная радиальными и концентрическими линиями бетонных дорожек. Вдалеке виднелись высотные здания, весьма странной, непривычной для глаз, архитектуры, а в центре площади, попирая пространство, возвышался огромный памятник. Там и тут неспешно двигались редкие прохожие, хотя в целом для столицы пространство выглядело почти безжизненным.

Что же здесь случилось?

Вдалеке, отчетливо сверкая ярко-зелеными лакированными бортами, пролетел небольшой самолет, до ужаса похожий на автомобиль, которому сделали очень широкий капот и прикрепили маленькие крылья. По едва заметному меж домов горбу длинного моста, стремительно пролетела ярко-зеленая гусеница скоростного трамвая. Сколько там вагонов? Десять? Пятнадцать? В небе свихнул огненно-красный шнур и тут же погас.

Я сидел посреди здорового газона и тупо пялился на мир, в который только что вернулся. Медленно осознавая, что это совсем не тот мир, который я покинул не по своей воле совсем недавно. И это означало лишь одно: там, в прошлом, я что-то не рассчитал и мое скромное сидение в тюремной камере обернулось серьезными изменениями здесь. Но что?

Превозмогая тупую боль в затылке, осмотрел свои вещи. Вроде бы все осталось при мне. Информация, рассказанная Андрею, не могла дать такого эффекта - кто поверит умалишенному эзку?

- Товарищ, тебе плохо? - раздался над головой участливый голос.

Я медленно повернулся, пытаюсь сообразить, что больше резануло слух: совершенно неуместное сочувствие со стороны постороннего человека или домосконное обращение «товарищ».

- Да, немного голова закружилась, - сказал я, внимательно разглядывая неожиданного собеседника.

Молодой парень в скромном костюме странного покроя, стоял на дорожке позади меня. Лицо его, открытое и бесхитростное, навело на меня дурные подозрения. Мошенник? Дурачок?

- Давай, я вызову медпомощь? - заботливо предложил он, снимая с руки широкий, немного изогнутый, чтобы облегать запястье, предмет, похожий на открытый металлический браслет.

- Нет, спасибо, не надо, - на автомате ответил я, уставившись на незнакомое устройство связи.

- Я понял, - вдруг обрадовался человек и сразу перешел на «вы», - вы, наверное, иностранец? Не видели раньше вблизи раций? Мы же не вывозим их за границу - у вас просто нет таких радиосетей. Возьмите, попробуйте, он очень прост в управлении.

Я посмотрел на него, пытаюсь понять в чем подвох:

- Но это же ваш рации... фон. Как же вы сами без него?

- Ну вот, я угадал, - рассмеялся парень. - Иностранец. Я уже все почитал, новости процикатил, друзьям ежедневные подписные голофильмы отправил - значит, часа полтора мне рация точно не понадобится. А вам он явно нужен. Берите. Там вся-вся-вся туристическая информация доступна. А то на этом музейном экспонате вы вряд ли что быстро найдете.

Кивал он, при этом, на мой вполне себе навороченный ноутбук, лежащий рядом на траве.

- Но вам же понадобится этой устройством через час? Я, правда, не собираюсь пока никуда уходить..., - мой взгляд был буквально прикован к изогнутому яркому экрану.

- Так я новый возьму, - удивился парень. - А этот, как вам не нужен будет, просто оставьте в любом месте. Двороборочник потом подберет.

Двороборочник? Подберет офигенный смартфон неизвестной мне конструкции?

- Спасибо, мне он очень пригодится. Рад был приехать в вашу замечательную страну. Как ее правильно называть? А то у нас все по-разному называют, - хитрость была дешевенькая, но где-то я

угадал, поскольку парень не удивился:

- Правильно говорить «СССР».

У меня перехватило дыхание и я лишь поблагодарил собеседника кивком головы. Впрочем, он правильно понял мой взгляд, поднял в приветственном жесте руку и пошел дальше по своим делам.

А у меня голова шла кругом.

Значит все верно. Мое вмешательство так сильно изменило историю, что я вернулся не в копию своего привычного мира, а в самый настоящий социализм. Но как это могло случиться? Как?!

- Если вы не умеете обращаться с рациифоном, - сказал приятный женский голос, - просто оденьте его на левую руку.

Я вздрогнул, осмотрелся по сторонам, и, только почувствовав какое-то движение под пальцами, понял, что со мной разговаривает местный смартфон. На руку аппарат сел как родной, хотя мне и показалось, что он в последний момент немного сжался вокруг предплечья. Ну, да что не покажется в такой о ситуации?

- Ваш уникальный набор признаков соответствия не обнаружен в хранилище информации, - после короткой паузы сказал женский голос, в такт зеленому мерцанию по всей поверхности устройства. - Добро пожаловать в СССР. Понимаете ли вы русский язык? Или предпочитаете говорить на родном наречии? Можете ответить голосом на своем языке.

- Понимаю, - робко сказал я.

Две-три секунды на запрос и поиск по базе данных уникальных идентификаторов всех граждан страны? Что за бред? Кто в это поверит? Разве что, современный малограмотный иностранный турист?

- Если вы хотите получить сведения по географии, истории, экономике, культуре...

- По истории хочу, - невежливо оборвал я вежливого робота. - Много читал, но за рубежом правдивой литературы не достать - сами понимаете. Мне бы хотелось узнать, хотя бы кратко, основные события пятидесятих-шестидесятых годов прошлого века.

Несколько секунд рациифон молчал, и я уже было решил, что робот просто не понял меня, как вдруг информация буквально хлынула на меня со всех сторон. В буквальном смысле слова.

Вокруг прямо в воздухе повисли полупрозрачные яркие экраны - штук пять, не меньше. Соревнуясь в силе воздействия с избыточным видеорядом, на всю площадь загрохотал сочный и чистый звук. И пока я первые несколько секунд сидел в полном шоке, экраны умудрились показать столько информации, сколько я не смог бы уяснить и за час. В чем фишка, я так и не понял - скорость движения картинок, сочетание их цветовой насыщенности и слабое, но разное мерцание, оставили впечатление просмотра нескольких отдельных видеороликов. А звук, несмотря на отдельное сопровождение каждого экрана, не смешивался и не превратился в какофонию.

- Выключите, - сказал я слабым голосом. - Вы ж всех людей в округе напугали, наверное.

- Никто кроме вас ничего не слышит, - спокойно сообщил робот из рациифона, но звук убрал.

Так я и сидел в окружении продолжающих мелькать экранов, загруженный до краев пониманием произошедшего. Товарищ Андрей, как гласила официальная история нынешнего СССР, от рождения обладал серьезными эйдетическими способностями. И абсолютной фотографической памятью, которую, к тому же, всю жизнь, тренировал.

Воевал, имел награды. Потом некоторое время сидел. И вот как раз после отсидки, полностью реабилитированный в далеком пятьдесят первом, товарищ Андрей внезапно развернулся на ниве советской науки. Чем-то он сумел угодить тогдашнему атомному маршалу. И вскоре уже занимал солидный пост куратора совершенно новой отрасли. Со своими институтами, заводами и буквально безразмерным бюджетом.

- Вот так и обманули дурака с ноутбуком, - сказал я вслух. - Ай да товарищ Андрей. Ай да мегаплагиатор.

Теперь, когда преимущество социалистического пути развития было доказано всему миру, покровы секретности постепенно снимались. Стало, например, известно, что больше года товарищ Андрей писал огромную рукопись, секретные копии листов которой, регулярно развозились по военным «почтовым ящикам».

- Писал по памяти все, что вычитал, - на всякий случай расшифровал я сам себе. - А вычитал много. И

точно зная, что должно получиться, влупил через государство такие ресурсы, что у результатов не было шансов отсидеться в стороне.

В итоге, когда американцы с помпой хвастались всему миру первым «рубиновым» лазером, в СССР, в строжайшей секретности, уже начинали прокладку первых оптических магистралей, предназначенных для работы полупроводниковых квантовых систем. К 70-м годам Arpanet так и не появился на свет, поскольку даже на обывательском уровне сквозь «железный занавес» стали проникать слухи о невероятной сперва военной, а потом и научной сети, связавшей чуть ли не все населенные пункты СССР. Строить первые «медные» сети на фоне таких слухов, никто даже и не пытался.

Изменилось не только это. Энергичный «кукурузник» до самой пенсии развивал какой-то передовой колхоз на Украине. Политбюро перестало превращаться в дом престарелых ветеранов. Экономике стал угрожать чрезмерно быстрый подъем, на фоне остального мира грозивший обернуться войной чуть ли со всеми государствами-соседями, и экономическое развитие стали искусственно сдерживать, интенсивно вкладываясь в медицину, науку, культуру и образование.

- Погодите, - сказал я роботу в рации, - с сетью все понятно. Следом за оптикой потянулись и беспроводные системы, тем более, что радиолюбительство тогда было развито.

- У вас не такие плохие источники, как вы говорили, - вежливо подтвердил рацияфон.

- Но компьютеры! Неужели товарищ Андрей оказался и компьютерным гением?

Все материалы, что были у меня, касались только сетей. Но что по ним передавать, если на столе не стоит «персоналка» с мощным процессором?

- Серьезный прорыв в области передачи информации, позволил строить вычислительные системы на базе простых решающих и логических элементов, - отрапортовал рацияфон. - Простые в изготовлении, и дешевые элементы, связанные оптоволоком, дали возможность создавать вычислительный ресурс произвольной мощности. Наладить крупносерийный выпуск простых элементов советские инженеры сумели всего за два года. Не зря за рубежом СССР еще называют страной-компьютером. Хотя это, конечно, никакой не компьютер, а просто самая большая в мире автоматная сеть с изменяемой архитектурой. Любой человек имеет возможность подключиться к этой сети и получить как расчетный, так и передаточный ресурс. Или и то, и другое одновременно, как ваш разговор в настоящее время с одной из программ искусственного интеллекта. То есть, со мной.

Я сидел оглушенный и пораженный тем, какие изменения целому миру принес один маленький ноутбук да десятка полтора сайтов, оказавшихся на нем почти случайно. Предстояло каким-то образом адаптироваться в этом новом мире. Я поднялся на ноги, желая уйти подальше от площади, чтобы притаиться в каком-нибудь темном углу да и обдумать все как следует.

- Куда вы? - запротестовал рацияфон. - Произведена выдача всего двух процентов информации.

- Кому памятник? - спросил я невпопад, показывая на огромный монумент в центре площади.

Экраны вокруг меня исчезли, а робот, как ни в чем ни бывало, доложил:

- Это памятник товарищу Андрею.

Теперь и я признал своего сокамерника. Вырубленный в камне, выглядел он гораздо старше, чем запомнилось мне, но характерная целеустремленность была передана настолько мастерски, что я теперь ни секунды не сомневался, кто возвышается надо мной на добрые два десятка метров.

- Эх ты, - сказал я памятнику, - лишил меня такого контракта! А что теперь? Податься в управдомы? Я - свободный человек, понимаешь? Мне под руководством партии жить не интересно! Я домой хочу!

Памятник насмешливо смотрел выше моей головы, а в руке каменного товарища Андрея - я не поверил глазам - блестела стальными боками огромная копия моей зажигалки.

На улицах вдруг стали появляться многочисленные люди. Вдалеке прошагал самый настоящий треножник, как в фильме про войну миров. Над головой стремительно промчались дискообразные летательные аппараты.

- Ну вот и рабочий день закончился, - объявил рацияфон. - Вы, пожалуйста, никуда не уходите. Вы идентифицированы как Петр. Для вас запланирован короткий разговор, после чего вас отправят домой.

- Ого. У меня и дом тут есть? - бодрясь сказал я, мысленно впадая в легкую панику: откуда он узнали, как меня зовут? Это так сейчас работает могущественный КГБ?

- Конечно, Петро. Весь этот мир - твой дом, - раздалось за спиной.

Я быстро обернулся. В открытой машине без колес, что бесшумно появилась словно ниоткуда, сидел смутно знакомый старик.

- Андрей? - поразился я.

- Целоваться на радостях не будем, - засмеялся Андрей, - тем более что понимаю, как тебе здесь неуютно. Но есть хорошие новости. Мы намного обогнали вас по части изучения времени. И как раз сейчас есть возможность отправить тебя обратно в тот мир, из которого ты прибыл прямоком в мою камеру.

- Но Виталий сказал, что это невозможно!

- Ничего, это у него пройдет. Ну что, домой?

Прошло несколько месяцев после того, как я внезапно, перестал видеть площадь, памятник и старика в открытой машине, словно меня макнули головой в чернильницу, а через секунду оказался в знакомом парке, по соседству с институтом, где собирался получить выгодный контракт. К Виталию я тогда не пошел, и вообще сделал вид, что ничего не случилось.

Продолжал развивать свою фирмочку, лишь иногда ловя удивленные взгляды сотрудников. Что-то изменилось во мне, лишив постоянного желания заработать как можно больше бабосов и уехать на кокосовый остров в теплом океане.

Произошедшее никак не напоминало о себе. Лишь иногда, в состоянии задумчивости, мне вдруг слышался мой собственный голос, сильно измененный, словно ко мне обращалась моя собственная копия из совсем другой жизни:

- Тебе плохо, товарищ?

«Мне плохо», - честно отвечал я, - «и не спрашивай «почему?». Не знаю».